

А. Гарибян

Ближайшие задачи армянской диалектологии

Армянская диалектология, получившая свое начало еще в 50-х годах прошлого столетия, стала подлинной и научной дисциплиной с конца 19-го века особенно благодаря трудам покойного Р. А. Ачаряна, действительного члена Академии наук Арм. ССР. До Р. А. Ачаряна труды по армянской диалектологии, за небольшим исключением, носили поверхностный характер. В смысле подлинной научности можно отметить лишь труды русского профессора Томсона об Ахалцихском и Тбилисском диалектах и магистерскую диссертацию Л. Мсерянца о Мушском диалекте. Остальные труды, написанные армянскими филологами и лингвистами, не носили характера глубокого исследования. Более чем десяток исследователей в течение 19-го века обнаружил около 12 армянских диалектов. Р. А. Ачарян в период между 1899 и 1911 годами обнаружил еще 19 диалектов, и все эти диалекты (числом 31) описал в своем труде „Армянская диалектология“¹. Этот труд Р. А. Ачаряна поднял армянскую диалектологию на новую, научную ступень, превратив ее в подлинно-научную дисциплину. В дальнейшем Г. Тер-Погосяном в 1922 году был обнаружен еще один интереснейший Аварикский диалект, называемый ныне Ареш-аварикским. Поиски армянских диалектов продолжались в период советской жизни армянского народа. Академик Р. А. Ачарян в своем труде „История армянского языка“ во втором томе, изданном в 1951 году, предложил обнаруженные им еще три новых диалекта: Хотурджурский, Амасийский и Орту.

В период между 1930 — 40 годами были обнаружены пять новых, неизвестных науке диалектов, составляющих вместе с ранее известным Артвинским диалектом новую группу армянских диалектов. Как известно, в 1909 году Р. А. Ачаряном, уже имевшим в своем распоряжении более 30 обнаруженных армянских диалектов, была произведена их классификация на основе морфологии глаголов, а именно, на основе образования форм настоящего и прошедшего несовершенного времен изъявительного наклонения². В результате получились три ветви армянских диалектов, включающих всего 31 диалект. Первую группу, составляющую свои принципиальные глагольные формы с помощью несовершенного деепричастия с окончанием на „ум“, и вспомогательного глагола, автор назвал диалектной ветвью „Մ“³. В эту ветвь он включил 7 диалектов. Вторую группу, составляющую свои

¹ Эминский этнографический сборник, том VIII, Москва — Ново-Нахичевань, 1911 г.

² H. A d j a r i a n, Classification des dialectes armeniens, Paris, 1909.

принципиальные глагольные формы с помощью предпозитивной частицы „кə“, автор назвал диалектной ветвью „Кə“. В эту ветвь он включил 21 диалект. Третью группу составляли диалекты, образующие свои принципиальные глагольные формы с помощью инфинитива и вспомогательного глагола. Эту группу автор назвал диалектной ветвью „Эл“.

Новообнаруженная в 1939 году диалектная группа, составляющая свои принципиальные глагольные формы с помощью несовершенного деепричастия с окончанием на „с“, была названа диалектной ветвью „С“. В эту группу входили пять новообнаруженных диалектов и один ранее известный, Артвинский диалект, случайно отнесенный к ветви „Эл.“

Естественно, что диалектная ветвь „Эл“ была переименована в ветвь „Л“. Таким образом, к концу 30-х годов армянская диалектология насчитывала около 40 армянских диалектов.

Обнаружение диалектных групп „С“ сыграло большую роль в дальнейших поисках новых армянских, еще не обнаруженных диалектов. В 1951 году были обнаружены два диалекта этой ветви на персидском берегу реки Аракс в северном Иране¹. Этими диалектами были Карадахский и Дзмарский. Напротив того места, где бытовали эти диалекты, на советском берегу находились обнаруженные еще в 1937—39 годах диалекты ветви „С“: Карчеванский, Мегринский, Гадрутский и Шагахский. При обнаружении Карадахского и Дзмарского диалектов оказалось, что ряд армянских сел, находящихся в западной части северного Ирана, напротив Гадрутского района НКАО, говорил на ранее уже известном Шагахском диалекте. Таким образом, на обоих берегах Аракса, начиная от армянского Гохтана, современного района Ордубада, до южных районов Нагорно-Карабахской автономной области, расположились диалекты ветви „С“. Причем один из них, а именно Шагахский диалект, частью находился на нашей, а другой частью на персидской стороне. Это обстоятельство навело на мысль, что диалекты, образующие единую группу, составляют ассоциацию, внутри которой сложились они исторически. Но исторические судьбы армянского народа нарушали эти ассоциации, и внутрь этих очагов проникали диалекты других групп. Бывали случаи, когда некоторые из диалектов, составляющие ассоциацию или весь очаг, эмигрировали в другую географическую среду. Так, например: Джульфинский диалект, составляющий с Араратским, Агулисским, Карабахским диалектами единую диалектную ассоциацию, в данное время находится в персидском городе Исфагане. Но из истории известно, что персидский шах Аббас изгнал джульфинцев из Армении, из старой Джульфы (Джуга), находившейся в соседстве с исторической Араратской областью.

Такова историческая судьба многих армянских диалектов, которые ныне находятся вне пределов исторической Армении. Мысль о том, что диалекты в своем географическом расположении составляют ассоциацию, продиктовала произвести поиски новых диалектов в районах

¹ См. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, том. XI, вып. 3, 1952 г.

расположения крупнейших армянских диалектов. Когда Р. А. Ачарян в своем труде „Армянская диалектология“¹ описывает какой-либо крупный диалект, он указывает одновременно также и на те деревни и населенные пункты, в которых говорят на этом диалекте или на говоре этих диалектов, приводя часто ряд кратких текстов на этих говорах. У Р. А. Ачаряна не имеется определителя диалектов, т. е. не выяснены, какие языковые нормы, отличающие один говор от другого, дают право назвать данный говор диалектом, и каковы нормы так называемых говоров. Естественно предположить: могло случиться, что Р. А. Ачаряном за говор принят подлинный диалект, и наоборот, за диалект принят говор. Поэтому возникла необходимость выяснить основные принципиальные черты армянского диалекта вообще. Исследование показало, что диалектом можно считать такой вариант армянского языка, который отличает его от других комплексом ясно выраженных морфологических и фонетических черт.

При таком подходе расхождения в диалектах обнаруживаются в образовании настоящего и прошедшего времен изъявительного наклонения, в прошедших формах глагола, в образовании, наличии или отсутствии аориста, в соотношении результативных форм к формам давнопрошедших времен, в соотношениях форм давнопрошедшего и совершенного времен, в формах склонения местоимений, в употреблении местоимений, в формообразовании исходного падежа существительных, в наличии или отсутствии местного падежа, в типах склонения множественного числа существительных, в наличии или отсутствии длительных времен, в системе гласных звуков, в системе взрывных согласных звуков и т. д.

Нам кажется, что, при ближайшем рассмотрении диалектных особенностей, некоторое количество вышеуказанных черт, вместе взятых, определяет вариант армянского языка как диалект, если отличия составляют не случайность и не исключение, а систему. Имея это в виду, мы проводили исследование диалектных ассоциаций, учитывая, что в пределах крупных, особенно и особо отличающихся диалектов возможно обнаружение неизвестных членов предполагаемой ассоциации диалектов. Исследование вначале было направлено в районы исторической Антиохии, где предполагался сирийский диалект. И, действительно, в районе Антиохии обнаружили три новых диалекта: Кесабский, Сведийский и Бейланский, из коих Кесабский диалект образовывал свои принципиальные личные формы совершенно по иному типу, чем другие диалекты. Этот диалект не знает деепричастных форм с окончанием „ум“ и „с“, не знает также частицу „кə“, образующую настоящее и прошедшее несовершенное времена в диалектах ветви „кə“. Этот диалект составляет свои принципиальные личные формы с помощью частицы *hə* (*հ*), являющейся усеченной формой армянского слова „*aha*“ *ահ*, означающий „вот“, „есть“. Таким образом *հ* *իրտրի* „*hə* нэстим“ на этом диалекте означает „я сижу“, буквально: „вот сижу“.

¹ 1911 г. Москва.

Так обнаружилась новая, пятая ветвь армянских диалектов, названная теперь ветвью *հա* „*ha*“; в дальнейшем обнаружилось, что Арабкирский диалект, ранее отнесенный к ветви „*кэ*“, образует свои принципиальные формы с помощью частички *ը* „*э*“, являющейся усеченной формой того же слова *արար* „*а¹а¹*“ („*вот*“). Следовательно, и этот диалект нужно отнести к ветви „*ha*“. Сравнительно недавно нами обнаружен Эдессийский диалект, также принадлежащий к этой ветви.

Некоторые диалекты юго-западных районов исторической Армении обнаруживают вышеупомянутый признак „*հա* > „*ш*“, „*а*“ в образовании вторичных глагольных форм, как например: Малатийский диалект. Но исследование еще не обнаружило точных данных, поэтому этот вопрос еще ждет исследования. Нет сомнения, что могут еще обнаружиться диалекты, принадлежащие к этой ветви.

Обнаруженные в районе исторической Антиохии другие армянские говоры имеют ряд таких отличительных признаков, которые дают право называть эти говоры самостоятельными диалектами. Более того, отличительные признаки этих диалектов выявляют такие черты образования форм (например, характер составных глагольных формообразований), которых нет в других, известных нам диалектах. Вышеупомянутые диалекты по своим отличительным качествам гораздо дальше стоят друг от друга и от других диалектов, чем известные нам диалекты в отношении друг друга¹.

В процессе исследования обнаружили данные, указывающие, что эти факты не исчерпывают всего количества имеющихся диалектов в этом районе, поэтому исследование необходимо продолжать.

Применяя этот подход в отношении говоров района исторической Киликийской Армении, обнаружилось, что в этом районе имеется не один Зейтунский диалект, как было принято до сих пор, а целая ассоциация диалектов. Особенно целый комплекс резких отличительных черт обнаружили диалекты Аджинский и Марашский. Кроме того, выяснилось, что они принадлежат к разным ветвям диалектов. Так, Аджинский диалект принадлежит к ветви „*кэ*“, а Зейтунский и Марашский диалекты принадлежат к ветви „*ка*“, еще одной новой ветви армянских диалектов. Эта новая ветвь „*ка*“ засвидетельствована была академиком Р. А. Ачаряном в лице Амасийского диалекта, однако она не была им признана как особая ветвь армянских диалектов. Так, образование настоящего времени в Амасийском диалекте в форме *չրտիրի կա* „*нэстим ка*“ — „*я сижу*“, *չրտիրի կա* „*нэстиска*“ — „*ты сидишь*“ и пр. Р. Ачаряном было воспринято как вариант ветви „*кэ*“. Это значит, Р. А. Ачарян считал, что частица „*ка*“ является иной формой частицы „*кэ*“, образованной чередованием гласных. Но в этом диалекте не обнаруживается закона перехода ни ударного, ни безударного „*р* э“ в „*ш*“ а. Следовательно, эта частица „*ка*“ не есть вариан-

¹ См. А. Гарибян, „Армянская диалектология“, 1953 г. (на арм. языке).

ция частицы *кэ*, а является армянским словом „ка“ — есть: *կամ*, *կաս*, *կայ* (кам, кас, кай), „есмь, еси, есть“.

Частица „кэ“ *կը* имеет вариант „ку“ *կու*, а также „ки“ *կի*. В среднеармянском языке она появляется в виде *կոյ > կոյ* (кой > гой), в котором мы имеем армянское слово „гой“ *գոյ* — есть, так как по законам среднеармянского языка звонкий „г“ обычно оглушается. Ясно, что современная частица „кэ“ имеет своим происхождением о. древнеармянского слова „гой“ *գոյ*, означающего „есть“, „существует“.

Следовательно, диалекты ветви „кэ“, составляя свое настоящее время в виде *կը նրստիմ կэ нэстим*, *կը նրստիս կэ нэстис*, *կը նրստի կэ нэсти* и т. д., буквально говорят „я есмь сижу“, „ты еси сидишь“, „он есть сидит“ и пр. Как мы видели, так же поступают диалекты ветви *հա* „ha“, только взамен слова *գոյ* „гой“ (получившего форму частицы *кэ*), употребляют слово „аха“ *ահա* — „вот“, что означает также „есть“, „существует“. Следовательно, *հա նրստիմ* „ha нэстим“ значит „я есть сижу“. Точно также Амасийский диалект, говоря *նրստիմ կա* „нэстим ка“, образует свое настоящее время не через слово *գոյ > կը* кой > кэ или *ահա > հա* аха > ха, а через слово *կա* ка — „есть“. Значит, „нэстим ка“ *նրստիմ կա* означает „я есть сижу“.

Итак, обнаружилась еще одна новая, шестая, ветвь армянских диалектов, названная ветвью „ка“ *կա*.¹

Исследование показало, что к этой ветви, кроме Амасийского диалекта, принадлежат новообнаруженные Бейланский и Сведийский диалекты, также диалект Мараша и известный уже диалект Зейтуна, которые по законам своей фонетики подударное „а“ произносят „о“ о (*գո նրստիմ* — Марашский диалект), или „у“ (*գու նրստիմ* — Сведийский диалект) или „уэ“ *ուէ* (*գուէ նրստիմ* — Зейтунский диалект).

Следовательно, к ветви „ка“ надо отнести все вышеупомянутые пять диалектов.

Обнаружение новых диалектов к старым трем ветвям прибавило новые три ветви армянских диалектов.

Но когда обнаружались три новых ветви, из коих одна образует принципиальные формы с помощью деепричастия, а две с помощью предпозитивных или постпозитивных частиц, то, естественно, возникла потребность развить дальше классификацию Р. Ачаряна. Так, три ветви армянских диалектов, образующих свои принципиальные формы с помощью несовершенного деепричастия и вспомогательного глагола (*նրստիմ եմ* — нэстум ем, *նրստելիս եմ* — нэстелис ем, *նրստել եմ* — нэстел ем — я сижу), можно было объединить, и они были объединены в одну большую группу, названную *деепричастной группой*.

Три другие ветви, образующие свои принципиальные формы с помощью разных частиц, можно было объединить, и они были объе-

¹ Канд. фил. наук Г. Джаукином в одной рукописи Матенадарана обнаружены данные, указывающие на существование ветвей „ка“ и „ха“ в 12 веке нашей эры.

длинены во вторую большую группу, образующую свои формы с помощью частицы, названную *группу с частицей*¹.

Таким образом, по новой классификации армянские диалекты составляют две большие группы: в первую входят три ветви с деепричастным образованием принципиальной формы, именно ветви „Ум“, „С“ и „Л“.

Во вторую группу входят также три ветви армянских диалектов, которые образуют свои принципиальные формы с помощью частиц, а именно ветвь „Кэ“, ветвь „Ка“ и ветвь „ha“.

Обнаруженный Р. А. Ачаряном Хотурджурский диалект не сходен ни с одной из этих групп, ни с одной из этих ветвей, он стоит обособленно. Этот диалект образует свои формы совершенно тождественно с древнеармянским языком и поэтому он составляет отдельную группу и отдельную ветвь. Он совсем еще не изучен, но не закончено также изучение всех армянских диалектов. Поэтому естественно предположить, что исследование еще может обнаружить другие компоненты этой новой ассоциации армянских диалектов.

Вышеупомянутый наш подход был применен также и в отношении района Ванского озера. Обнаружилось, что указанные Р. А. Ачаряном говоры Ванского диалекта, Днадинский, Возьмийский и Мокский, представляют из себя самостоятельные диалекты. Признаки, отличающие их от Ванского диалекта, более заметны и значительны, чем признаки, отличающие Ванский диалект от Мушского и других диалектов. Так, после 1950 года, т. е. года великого перелома в языкознании, диалектологические поиски обнаружили десять новых армянских диалектов: Мокский, Возьмийский, Днадинский, Марашский, Аджинский, Бейланский, Кесабский, Сведийский, Карадахский и Дзмарский. Таким образом, количество обнаруженных диалектов армянского языка в сатмих 50-х годах перевалило уже за 50. Но эта работа далеко не закончена. Необходимо продолжать исследование исторической Армении с диалектологической точки зрения. Нет сомнения, что обнаружится еще много новых диалектов. Но в большей части исторической Армении теперь нет армян. При прямом попустительстве западноевропейских и американских империалистических государств турецкие ассимиляторы и избиватели народов или уничтожили армян, или изгнали их из пределов самой Армении. Многие из них нашли приют в пределах России и под защитой великого русского народа сохранили свое физическое существование, а другие разбросаны по всему миру и скитаются под чужим небом. Но они таят в своей душе любовь к своей подлинной родине, питая надежду когда-нибудь вырваться из капиталистического ада и приехать на свою подлинную, лучезарную родину, Советскую Армению. Благодаря заботам Великой Коммунистической партии и Советского государства более ста тысяч этих ски-

¹ А. Гарбян, „Армянская диалектология“, 1953 г. На основе наших материалов такое же развитие классификации армянских диалектов дал проф. Э. Агаян (см. Э. Агаян, Мегринский диалект, стр. 399 - 405, 1954 г.).

гальцев в конце сороковых годов вернулось на свою родину. Среди них, как и среди многих давно уже обитающих в Армении и в России, имеются живые носители известных, но мало изученных, и неизвестных, еще не обнаруженных, армянских диалектов. Все те, которые знают свои диалекты, 35 лет тому назад изгнанные из насиженных мест, теперь имеют возраст более 60 лет. И если предстоящие 5—10 лет не заниматься поисками армянских диалектов, то со смертью этих людей они будут безвозвратно потеряны. Укажу хотя бы на такой факт: когда мы в 1937—38 годах обнаружили и изучили Мегринский диалект, то говорящих на этом диалекте было 5 человек. Все они были преклонного возраста. В 1941 году профессор Э. Агаян, также изучивший этот диалект, нашел всего троих, а сейчас никого из них нет. И нет более Мегринского диалекта, они унесли его с собой. Такая судьба ждет каждого из наших необнаруженных и неизученных диалектов. Вот почему первой задачей советской армянской диалектологии и всех лингвистов-арменистов являются *поиски и обнаружение всех имеющихся армянских диалектов*. По моему предположению, имеется еще ряд очагов армянских диалектов, неизведанных наукой. Так, например, пока что является белым пятном на карте армянских диалектов район между Малатией, Тароном и Ванским озером: район Баллу, Сасунский р-н, р-н Тигранакерта. В этом последнем районе обнаружены признаки ветви „ка“, возможно, что здесь будут обнаружены новые диалекты с интересными специфическими чертами.

Белым пятном является также средняя часть Малой Азии, вплоть до районов Малой Армении. Бывшие деревни вокруг Кесарии, Амасии и других городов, видимо, имели ряд диалектов с особыми лингвистическими чертами. Исследование должно ликвидировать и это белое пятно. Не совсем изучен или почти не изучен район Спер-Кхи, бассейн Чораха. Если в соседстве обнаружился интересный Хотурджурский диалект, то естественно допустить, что он не одинок, там, возможно, были и другие члены этой диалектной ассоциации.

Итак, *поиски и обнаружение новых армянских диалектов является неотложным делом советской армянской лингвистической науки*. Эту работу необходимо выполнить в спешном порядке и в широком масштабе, спасти все то, что возможно спасти и что уже через несколько лет будет невозможно спасти.

Такова первая задача армянской диалектологии.

II

Обнаружение диалектов только полдела, необходимо их детальное изучение. Это изучение *на первых порах* надо провести в плане подробного описания всех фактов диалекта, как фонетических, так и морфологических. Надо описать диалекты настолько подробно, чтобы можно было при сравнении с литературным языком определить их расхождение не только в крупных чертах, но и в деталях.

Крупнейший армянский диалектолог Р. А. Ачарян прекрасно понимал эту задачу, поэтому после своего обобщающего труда, упомянутого выше, он принялся за изучение отдельных диалектов, посвятив отдельную монографию каждому из них. Насколько мне известно, он имел в своем индивидуальном плане описание десяти диалектов. И он, на самом деле, описал и издал монографические труды, посвященные следующим отдельным диалектам: Мегринскому, Ново-Нахичеванскому, Ново-Джюльфинскому, Агулисскому, Константинопольскому, Хемшинскому, Артаалскому и Ванскому. Последний труд вышел посмертно.

Неизданными еще остаются две монографии, посвященные Спирийскому и Зейтунскому диалектам. Как мы видим, он, как и было свойственно ему, выполнил свой план, оставив нам прекрасные образцы монографических трудов, посвященных исследованию отдельных диалектов.

При изучении диалекта необходимо вместе с монографией издать и словарный состав изучаемого языка с соблюдением соответствующей диалектологической транскрипции и с переводом на литературный язык. С соблюдением правил научной транскрипции необходимо издать также и тексты на диалекте вместе с монографией, посвященной этому диалекту. Тексты, естественно, являются постоянной ценностью, так как они передают в точности состояние языка в период записывания их и, когда бы ни производилось изучение диалекта, тексты всегда остаются ценным материалом для исследователя.

В XIX веке издано очень много текстов на разных армянских диалектах, но, к сожалению, не соблюдена научная транскрипция, и эти тексты не имеют никакой языковедческой научной ценности, хотя их литературная ценность велика. Исследование отдельного диалекта должно зафиксировать все детали фонетики и морфологии, как и синтаксиса данного диалекта. При этом необходимо особо подчеркнуть, какие моменты строя диалекта особенно отличают его от литературного языка. Нужно также подчеркнуть и такие моменты в морфологии и в фонетике, которые соответствуют древнеармянскому языку. При исследовании сравнение надо проводить всегда с древнеармянским языком по той причине, что этот язык, будучи мертвым, имеет раз навсегда данные языковые явления, не подверженные изменению и развитию. Разговоры о том, что сравнение с древнеармянскими формами является консервативным подходом к изучению диалекта, исходят из марристских положений и никакого отношения не имеют к науке. Современный армянский язык сложился намного позже, чем армянские диалекты, и под сильнейшим влиянием армянских диалектов. Естественно, что сравнение диалектных форм и явлений с современным литературным языком будет непродуктивно и ничего не даст истории армянского языка.

При исследовании диалектов необходимо выявить его самые древние, специфически диалектные черты и постараться описать их в состоянии, не затронутом влиянием литературного языка. Поэтому ненуж-

ным разговором является утверждение о том, якобы при исследовании диалектов нет необходимости показать их старые, консервативные формы, а надо заняться вопросом, как диалекты постепенно уступают место литературному языку и, таким образом, идут к вымиранию.

Такое утверждение дает неправильную ориентацию, приносит вред науке. Армянские диалекты исчезают, они теряют свою специфику. Нужно хотя в исследованиях сохранить и установить закономерности этой специфики. И когда облик диалекта определен, уточнен и научно обоснован, то тогда можно будет исследовать проблему отмирания диалектов под влиянием литературного языка в процессе его слияния с литературным языком.

Монографические работы, посвящаемые отдельным диалектам, увековечат в письменности структуру и систему наших диалектов, сохранят все факты, которые имеются в живой разговорной речи народа и которые быстрыми темпами исчезают. В дальнейшем, на основе этих фактов, исследователь будет делать выводы, касающиеся истории армянского языка или общелингвистических вопросов. Естественно, что наличие описанной структуры и фактов сделает возможным исследование диалектов и сделает их полезным для истории армянского языка.

На основе этих монографических работ, как и тех текстов, которые могут быть собранными и зафиксированными, можно будет составлять карты армянских диалектов, можно будет использовать армянские диалекты для составления наиболее полной истории армянского языка и армянского народа.

Вот почему *важнейшей задачей армянской диалектологии является исследование отдельных диалектов, их подробное описание, составление их словаря и научно-транскрибированных текстов.* Как уже говорилось, значительную часть этой благородной задачи выполнил Р. А. Ачарян и, надо сказать, сделал во много раз больше, чем это было по силам одному человеку, посвятив этому делу более 50 лет своей жизни. Его самоотверженный труд и в этой области должен быть образцом для советских арменистов. Такова вторая задача армянской диалектологии.

III

Третья задача армянской диалектологии несколько иная. Эту задачу следует выполнить путем изучения письменных памятников и литературных источников.

В настоящее время в арменистике существует спор о том, когда произошли армянские диалекты.

Точка зрения Р. Ачаряна такая, что армянские диалекты произошли после X века нашей эры, когда монголо-турецкие нашествия разгромили центры армянской культуры, расшатали единство армянского народа и привели к отмиранию общенародного древнеармянского языка.

Многие арменисты и до Р. Ачаряна и после Р. Ачаряна думают иначе, допуская, что армянские диалекты образовались раньше, чем X век. Более того, иные предполагают, что армянские диалекты образовались раньше древнеармянского языка и что древнеармянский язык выработался на основе одного Арааратского диалекта. Исходя из принципиальных марксистских установок, нельзя согласиться ни с теми, ни с другими. Принципиальная установка нашей диалектологии должна быть и исходить из следующей установки И. В. Сталина. Говоря о невозможности общего языка в империях Кира и Александра Великого, Цезаря и Карла Великого, представляющих конгломерат племен и народностей, И. В. Сталин говорит: «История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них. Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалял и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»¹. Необходимо это марксистское положение применить к истории конкретных языков, в данном случае, к армянскому языку, чтобы получить творческий результат.

Из литературных источников, по-нашему, на существование армянских диалектов в Армении указывает одно название реки, приведенное Страбоном в своей географии. Взамен слова Ерасх *Երասխ*. Страбон пишет *Αραξης* (Араксес), арм. *Մրաք*, т. е. древнеармянское сочетание «ер» *եր* передает через «ар» *ար*. Объяснить это особенностью греческого языка никак нельзя. Видимо Страбон отразил существующее армянское диалектное произношение «ар» *ար* вместо «ер» *եր*. Это произношение сохраняется в наших диалектах и до сегодняшнего дня. Так, в ряде диалектов армянского языка, как, например, в Карабахском, Карадакском, Агулисском, Джульфинском и т. д., начальное сочетание звуков «ер» *եր* произносится «ар» *ար*. Древнеармянское «ерхай» *երեխայ* (дитя) произносится «араха» *արախ*, древнеармянское «ераз» *երազ* (сон) произносится «араз» *արազ*, «еркат» *երկաթ* (железо) произносится «аркат» *արկաթ*, кроме того, самое древнеармянское слово «Ерасх» *Երասխ* (название реки) народ произносит «Араз» *Մրազ*, что более подходит к Страбонской передаче этого названия (Араксес), чем древнеармянское «Ерасх» *Երասխ*. Имеются также и письменные свидетельства о существовании армянских диалектов с древних пор. У писателей V века имеется словосочетание «армянские диалекты и языки»², которое говорит о том, что эти писатели свидетельствуют о существовании армянских диалектов. Писатель VII века Аноним³, чтобы показать разность диалектов, берет в пример слово «базук» *բազուկ*, начинающееся взрывным звонким «б» *բ*, при

¹ И. Сталин, «Марксизм и вопросы языкознания», стр. 10.

² «Երայց հրաման տայ բնակչացն աշխարհին՝ ուսանելի գիտեսս և զլեզուս հայկազանս: Մ. Խորենացի, Պատմութիւն հայոց, տեղ. Ա, գլ. ԺԴ. (Но он дал приказ жителям той страны: учиться армянским говорам (диалектам) и языкам» М. Хоренаци)

³ М. Адонц, Дионис. фрак. и арм. толкователи, стр. 149, 1912 г.

этом автор указывает, что существует произношение этого слова с глухим и глухим аспиратом того же звука: „базук, пазук, фазук, բազուկ, պազուկ, ֆազուկ; Грамматист VIII века Степанос Сюнеци (*Ստեփանոս Սյունեցի*) указывает на существование пограничных диалектов и диалектов центра страны. Тот же самый автор делает попытку объяснить происхождение армянских диалектов. Он говорит: „Диалектные искажения произошли следующим образом: из племен, бытующих до нас (в Армении—Г.), были занки и шепелявые, которые не ставили разницы между сходными (звуками), как например б р, м ш. п ш и ph ф. Также и в отношении тех звуков, которые следуют друг за другом (т. е. д т, т ш, th ʃ—Г.). Их речь передалась их детям, так как они жили одни и не было людей (т. е. армян,—Г.) рядом с ними. Они были патриархами отдельных уездов, когда еще было мало людей. И эта привычка стала обычаем и сохранилась, как закон каждого уезда“¹.

Как мы видим, грамматист Сюнеци стоит ближе к правде, чем мы могли бы предполагать. По его свидетельству выходит, что иноязычные племена усваивали армянский язык, подвергая его, в частности его систему взрывных согласных, некоторым изменениям, ставшим для них закономерностями, и от этого и происходили армянские диалектные различия.

Как бы то ни было, эти факты говорят о том, что точка зрения об образовании армянских диалектов в позднейшую эпоху является неправильной. Факты противоречат этому положению. Однако для разработки этого вопроса необходимо детальное изучение источников и письменных памятников, в которых, независимо от авторов, вкрадывались диалектные формы. По этим памятникам можно проследить историю ряда диалектов или отдельных диалектных форм.

Однако, этого еще недостаточно. По нашему глубокому убеждению, можно проводить историческое сравнение армянских диалектов с индоевропейским первосостоянием, и это сравнение даст, без сомнения, определенные результаты. Мы попытаемся это сделать на примере взрывных согласных армянского языка, памятуя, что все принципиальные заключения историко-сравнительной лингвистики зиждятся на историко-сравнительной фонетике.

Как уже доказала наука, индоевропейское первосостояние языка имело систему взрывных согласных в четыре ряда, которая сохранилась в основном у индусов в санскритском языке в следующем виде:

<i>Звон. придых.</i>	<i>Звонкие</i>	<i>Глухие</i>	<i>Глух. придых.</i>
и.-ев. сскр.	и.-ев. сскр.	и.-ев. сскр.	и.-ев. сскр.
bh bh	b b	p p	ph ph
dh dh	d d	t t	—
g ^w h gh	g ^w g	k ^w k	kh ¹ kh

¹ Н. Адонц, Дионис. фрак. и арм. толкователи, стр. 224. 1912 г.

² Подвергается некоторому сомнению ряд глухих аспиратов в индоевропейском первосостоянии. В санскрите их наличие бесспорно.

Считая невозможным восстановление первосостояния и учитывая то мнение ученых, что санскрит наиболее полно и близко представляет систему согласных индоевропейского первосостояния, мы попытаемся сравнить систему взрывных согласных наших диалектов с системой древнеиндусского языка.

Древнеармянский язык, как доказала уже наука, произвел одно полное передвижение взрывных согласных, называемое первым передвижением. Напр:

<i>Санскрит.</i>	<i>Армянск. язык</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Армянск язык</i>
bharami	բերեմ (берем)—несу	bh	բ ր
dadhami	մամ (там)—даю	d	տ ր
sapta	եւթ (ewthn)—семь	t	տ ր

Следовательно, взамен 4-х степеней озвончения санскрита древнеармянский язык имеет три, а именно: d—t—th. Таково состояние системы взрывных согласных также у ряда диалектов армянского языка, имевших или имеющих местопребывание на Востоке Армении (Агулисский диалект, принадлежащий к ветви „Ум“, Карчеванский, Мегринский, Карадахский, Дзмарский диалекты, находящиеся восточнее Агулисского диалекта и принадлежащие к ветви „С“, а также Артвинский диалект, находящийся на северо-западе исторической Армении, тоже принадлежащий к ветви „С“). Все остальные диалекты армянского языка нарушают эту систему и мало соответствуют системе древнеармянского языка. Однако, в одном вопросе все диалекты одинаково соответствуют древнеармянскому языку, а именно, в передвижении и.-е. глухих согласных в глухие аспираты, как например,

санск. ginakti—арм.-elikh (k—kh)¹;

санск. meka—арм. makhi (մաքի);

санск. tavas—арм. thaw (թաւ), *санск.* topati—арм. thopel (թոպել), *санскрит.* taruna—арм. thorn (թորն), *санскрит.* tura—арм. thur (թուր).

За исключением этого общего закона, во всем остальном армянские диалекты отступают от системы древнеармянского языка. Так, например, диалекты, находившиеся в Восточной части Малой Азии и в Малой Армении, сохраняют почти неизменным индоевропейское первосостояние. Выходит, что эти диалекты по системе взрывных согласных древнее древнеармянского языка и сохранили в неприкосновенности индоевропейское первосостояние наподобие древнеиндусского языка. Ясно, что если эти диалекты являются ответвлениями от общеармянского языка, то они ответвились в период, когда армянский язык сохранял еще взрывные согласные индоевропейского состояния, т. е. они в системе взрывных согласных ответвились от армянского языка намного раньше, чем когда этот общеармянский язык принял облик известного нам грабара (древнеармянского языка).

Ряд диалектов, находившихся в Великой Армении, т. е. в цен-

¹ А. Мейе, там же, стр. 111.

² Р. Ачарян, История армянского языка, т. 1, стр. 1941 г. (на арм. языке).

тральных областях Армении, также сохранил то состояние, которое имеется в западных диалектах, за одним лишь исключением, а именно: звонкие согласные индоевропейского состояния передвинул в глухие в начале слова, сохранив звонкость внутри слова. Эти диалекты сохранили также и звонкие аспираты индоевропейского первосостояния например, *դ'ուր* (dhur)—дверь, *կադու* (kadu)—кот, кошка, *տաս* (tas)—десять и. т. д.

Эти диалекты имеют четыре степени озвончения и.-е. состояния, а именно: dt—d—t—th. Получается, что диалекты центральных областей исторической Армении ответвились от общеармянского языка в период, когда он еще не принял облика габара, т. е. древнеармянского языка, по крайней мере, в системе взрывных согласных.

По нашему, общеармянский язык принял облик древнеармянского языка в период между IV и II веком до н. э.¹

Во всяком случае нет сомнения, что общеармянский язык имел облик древнеармянского языка в начале II века н. э., когда он был уже общим языком всего населения исторической Армении, как об этом свидетельствует Страбон².

Следовательно, западные и центральные диалекты армянского языка ответвились от армянского языка в период до оформления звуковой системы древнеармянского языка, т. е. в период до IV, III веков до н. э.

Древние источники указывают, что армены (или хаясы) находились в пределах Малой Армении уже в XIV, в XIII вв. до н. э., а армянские диалекты обнаруживают близкое сходство с индоевропейским первосостоянием как раз в тех районах, где находились армены (или хаясы) во втором тысячелетии до н. э. Нельзя не связывать эти два факта и не заключать, что эти диалекты ответвились от общеармянского языка в этот период, в период II половины второго тысячелетия. Конечно, будут возражения, что армянские диалекты не могли бы сохранить индоевропейское первосостояние взрывных согласных звуков за такое долгое время и, возможно, все это есть новообразование. Но почему такое право сохраняется за индусским языком и его диалектами, а за армянским языком—нет? И, наконец, мы имеем факт в самом армянском языке в том, что звуковая система II века до н. э. самого армянского языка сохраняется в ряде наших диалектов и в современном армянском литературном языке вплоть до наших дней.

Как уже говорили, диалекты центральных областей Армении чуть продвинули свою звуковую систему в сторону системы древнеармянского языка, но сравнительно близки к индоевропейскому состоянию, чем древний и современный литературные армянские языки.

История говорит, что армены (или хаясы), начиная с XIII века до

¹ Ученые записки Ерев. госуд. русск. педагог. института им. А. А. Жданова, т. III, 1952 г., стр. 27—35.

² Страбон, кн. XI, гл. XIII, стр. 539. „География Страбона“, Москва, 1879 г.

н. э., проникали в пределы исторической Армении и в период до IV—III вв. заселили центральные области Армении, подвергнув ассимиляции большинство иноязычных племен. Не говорит ли это о том, что диалекты центральных областей Армении образовались в период между X и II вв. до н. э.?

Можно допустить этот процесс следующим образом: ответвившиеся от общего языка диалекты сохранили звуковую систему языка того периода, тогда как общий язык произвел передвижение, вследствие чего и произошло усугубление ответвления этих диалектов.

Восточные диалекты ветви „С“ имеют систему взрывных согласных, тождественную с древнеармянским. Не говорит ли это о том, что эти диалекты и вся эта ветвь ответвились от общеармянского языка в период его древнеармянского состояния, т. е. в период от II—III веков до н. э. и до V—VII веков нашей эры?

Самое большое разрушение древнеармянской системы взрывных согласных произвели восточные диалекты ветви „Ум“ (Карабахский, Шемахинский), диалекты ветви „Л“ (Хойский и Марагинский) и Ванский диалект ветви „кэ“. Они передвинули два раза звонкие аспираты и один раз простые звонкие, т. е. взамен *դ և լ և ժ և ղ և ճ և ղ և ճ*—дверь получилось *տ և լ և ղ և ղ և ճ և ղ և ճ*—десять получилось *տ և լ և ղ և ղ և ճ և ղ և ճ* (tas), т. е. $\text{ap} > \text{a} > \text{t}$ и $\text{d} > \text{t}$.

Возможно, что их ответвление произошло в период, когда система грабара (древнеармянского языка) давно уже подверглась разрушению и изменению.

Все эти факты говорят об одном: армянское языкознание должно серьезно заняться одним важным вопросом, а именно, вопросом создания исторической диалектологии на основе марксистско-ленинской языковедческой теории.

Такова, по-нашему, третья и важнейшая задача армянской советской диалектологии. Историческая диалектология оказала бы огромную помощь в создании подлинной истории армянского языка. Как мы видели выше, она могла бы оказать услугу и в разработке вопросов истории армянского народа. Естественно, что мысли и исследования арменистов должны быть направлены и в эту сторону.

Для выполнения этих огромных задач необходимы кадры. За период существования советского строя подготовлено определенное количество диалектологов. Необходимо умножить их число и направить силы в сторону решения этих нужных и важнейших задач.

Это можно сделать. Это в силах нам сделать. И мы должны это сделать. Поручкой этому—направляющая сила великой Коммунистической партии, заботящейся о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуре народов великого Советского Союза.